

Ларина: Неделю назад у нас был Олег Николаевич Ефремов, и мы говорили о спектакле «Три сестры», в котором одну из центральных ролей играет Елена Майорова, наша сегодняшняя гостья. Роль Маши — это мечта любой актрисы. Что значит для тебя, Лена, эта женщина?

Е. Майорова: Когда Олег Николаевич спрашивал нас: «Почему вы хотите играть эти роли, почему вы хотите играть «Три сестры»?», я искренне ответила: «Она — самая выигрышная, потому что она любит и страдает». Роль меня просто увлекла. В принципе на меня каждая роль действует. Я не защищена от своих ролей. Когда я репетирую, когда я близка к премьере, к выпуску спектакля, я всегда схожу с ума, становлюсь тем же персонажем, которого играю. Это плохо: надо уметь защищаться. Эта Маша меня тоже замучила. Мы искали, какой же у нее характер. Олег Николаевич настаивал, что в этом характере очень много от меня самой, что мне не надо ничего играть, придумывать. Чтобы не было ничего штампованного. Но мне как раз хотелось именно штампованного, хотелось уйти от себя. А Олег Николаевич пролил наоборот: «К себе, к себе. Вот она — резкая, грубая, она и врезаться может». Мы ругались, спорили, я говорила: «Олег Николаевич, ну что вы мне навязываете, я же своим голосом буду это делать, своими глазами, своим телом, своими движениями, своим сердцем. Раз вы мне доверили, так давайте пойдем по пути самопознания меня. А я, например, стеснительная, я не могу такие вещи сказать, как она отзывается о Наташе, вслух, как сплетничают». И мы очень долго ругались.

К. Л.: Ну, в итоге Ефремов доволен, получилось!

Е. М.: Ну сейчас-то, я думаю, он очень доволен. И мы все довольны. А ведь он меня несколько раз хотел снимать с этой роли. Да, я это знала. Это тоже было ужасно. Но я — гордый человек. Ходить, продолжать репетировать? Я уже не верю в себя. Режиссер должен меня ласкать, любить, тогда я оживаю. Я как ребенок. Это естественно. Мы, артисты, все такие. Нас надо ласкать, любить, тогда мы расцветаем и отдаем все сторицей. И постепенно он понял, что так работать надо не только со мной, но и со всеми нами. Он стал хвалить какие-то росточки. И мы расцветали. Я должна очень верить в то, что делаю. Роли часто воздействуют на меня в жизни. Надо от них освобождаться. Некоторые артисты это умеют. Я так не могу.

К. Л.: С другой стороны, есть другие крайности. Я вспоминаю слова Ирины Муравьевой, которая в какой-то момент для себя решила, что не будет играть отрицательные роли, потому что они на нее сильно действуют: «Я возвращаюсь домой и себя не узнаю. Это омерзительно. Я понимаю, что эта баба во мне живет. Я зареклась — не буду». Действительно так!

Е. М.: Да, так. Я тоже думала, что не буду играть отрицательные роли, но в кино пришлось. И эта роль сильно на меня действовала. Близкие мои переживали вместе со мной. Надо уметь защищаться. В принципе это же театр, это игра понарошку. Само творчество, конечно, — это акт. Но надо уметь сказать «стоп» игре. А игра продолжается как бы в жизни, потому что ты ее примеряешь на себя. Это естественно. Вот кончилась репетиция, я теперь —

Лена Майорова. Так нет же, а как сумасшедшая. Иду домой 15 минут по Тверской и бормочу что-то себе под нос, и играю, наверное, произвожу впечатление идиотки. А с другой стороны, это мой способ жизни. Я даже не мыслю себя иначе.

К. Л.: А роли, которые идут уже в репертуарном конвейере, которые ты играешь в сотый раз, они тебя отпускают или ты тоже с ними продолжаешь жить?

Е. М.: Отпускают. Все-таки отпускают. Тут срабатывает защита. Энергия театра и зрителя, этот взаимообмен энергией дает каким-то образом жизнь, а не смерть. Например, если я в «Тойбеле» умираю и плачу, люди со мной плачу в зале, а я выхожу совершенно счастливая после спектакля, и я забываю свою героиню, она на меня больше не действует. На меня действуют те роли, которые я только сейчас рождаю.

К. Л.: Я хочу напомнить, откуда взялась актриса Елена Майорова во МХАТе. Лена закончила ГИТИС, мастерскую Олега Павловича Табакова. Я видела ее еще в спектакле «Маугли». Она играла Багиру. Потом поступила во МХАТ. А почему решила не возвращаться в подвал к Табакову? Ваш курс тогда разбежался по театрам, но каждый понимал, что когда решится вопрос о статусе театра Табакова, все вернется. Наверняка и тебя звал мастер, ведь не мог не звать.

Е. М.: Да, он звал, конечно. Я как бы даже согласилась, но пойти не пошла. Вообще все, наверное, кроется в том, что я провинциалка. Для меня сцена, театр — это как детские мечты. Я мечтала в детстве не о каком-то театре в подвале, а о сцене с занавесом, с кулисами, с большим зрительным залом. Когда я потом попала на курс к Олегу Павловичу Табакову, я, естественно, стала его соратницей. Мы всем курсом строили этот подвал, студию, я была совершенно счастлива. За четыре года, пока мы учились, все стали фанатами. Но нам в тот момент обрубили крылья — не дали театра. Это был удар. Еще целый год мы собирались по инерции. Все уже работали в разных театрах. Я — в Театре миниатюр, который потом стал театром «Эрмитаж». После репетиций или до спектакля мы все приходили в свой подвал, там «тусовались», как сейчас говорят, а в свободное время играли свои спектакли. Но однажды, когда мы там как-то бурно тусовались, нас и погнала оттуда. Потому что Олег Павлович набрал уже другой курс, и ему было как бы не до нас. Мы ревновали дико — ну как же так? В подвал, который мы строили, мы не можем приходить по-настоящему? А шепульню, какие-то малявки — наготовенькое? Но потом, конечно, мы подружились. И это была боль. Ведь вернуться в то место, где больно, это уже — инстинкт самосохранения. Многим было трудно уйти с тех мест, где они состоялись. Я была во МХАТе, и Олег Павлович был во МХАТе. Мы с ним вместе играли спектакли, у меня сложилась своя компания молодежи — Дима Брусникин, Рома Козак, Саша Феклистов, Полина Медведева. У нас был общий спектакль «Дни Турбиных», где я играла Елену. Поставил спектакль Коля Скорик. Он нас всех собрал, объединил, несмотря на то, что на нас Ефремов как бы не обращал внимания, но он нам разрешал творить на малой сцене. Я играла в «Амате» на Большой сцене, сыграла Нину Заречную

в «Чайке», Зинулю в пьесе Гельмана, все здорово складывалось у меня, и вдруг Олег Павлович говорит: «Все, нам дают театр, перестройка, Ленка, ко мне!» Я сказала: «Конечно», но расстроилась. Олег Павлович, видимо, поговорил с Олегом Николаевичем, и тот сказал: «Нет, я ее не отдам, пускай она работает у тебя на разовых». Я говорю Ефремову: «Да, Олег Николаевич, я уйду. Он мой учитель, и я должна уйти». А Ефремов в ответ: «Он твой учитель, но мой ученик, я с ним поговорю сам и никуда тебя не отдам». Так и получилось. Правда, Олег Павлович обиделся. Я помню, на одном из спектаклей «Амате», где мы играем вместе, на мой вопрос: «Как поживаете, ваше превосходительство?» он сказал:

Елена МАЙОРОВА:

Актера надо любить

Последнее интервью актрисы Елены Майоровой в гостиной «Эха Москвы» у Ксении Лариной 25 июня 1997 года

«Спасибо, хорошо... змеица!» Но прошло время, и Олег Павлович смирился, даже пригласил меня помочь сыграть наш дипломный спектакль. Потом мы затевали новый спектакль, но я уехала на гастроли в Японию. Вообще мне трудно сделать выбор, когда есть что терять.

К. Л.: А что ты можешь сказать о своей роли в спектакле Валерия Фокина «Бесноватая» по роману «Идиот» Достоевского? Там был великолепный актерский состав, а спектакль не состоялся, и Валерий Владимирович вспоминает о нем, как о своей неудачной работе.

Е. М.: Там что-то не случилось по части оформления. Мне кажется, художник переборщил, перемудрил. Если бы этот спектакль шел на Малой сцене, он, может быть, имел бы другой резонанс. Валерий Фокин — мой педагог. Потрясающий режиссер. Я всегда мечтала у него работать. И он в меня верил и любил меня как актрису. Я следовала за ним совершенно слепо, что он мне скажет, то я исполняю. До премьеры я заболела. Это был плохой знак. Я вдруг засомневалась. У меня не было сил, голоса, пересыхало горло. Я кричала. Это всех как-то очень шокировало. Потом нас ругали рецензенты, но мы играли недолго, потому что Валерий Владимирович очень переживал. А мы все равно любили это спектакль. Меня ругали во всех газетах — «что за манеры»... Я переживала, переживала, а потом смирилась: у кого не бывает ошибок?

К. Л.: А бывали у тебя в жизни такие провалы, которые,

может быть, для посторонних не были заметны, а ты понимала... Когда тебе стыдно за себя...

Е. М.: Нет. Есть роли, которые очень нравятся зрителям, а мне — нет. Или спектакль успешный, удачный, но я морщусь. Тем не менее выходишь, заводишься, увлекаешься и делаешь.

К. Л.: Я хотела бы продолжить разговор о манерах. Каждую роль начинали обсуждать с твоих манер. Манеры Елены Майоровой в роли чеховской Маши меня взволновали — смесь аристократизма с этойкой бабьей ехидцей. Но при этом великолепная повадка, яркие, эмоциональные куски сыграны очень сдержанно, платье великолепное, глаза. Часто приходится себя сдерживать, свои

Е. М.: Один хороший режиссер — Салюк — подметил во мне странную особенность: при определенной вибрации я откликаюсь в любом человеке. Не могу сказать, что у меня есть конкретный режиссер, который меня открыл, — и я буду принадлежать только ему. Я могу работать с любым режиссером, пробовать, искать, ошибаться, творить...

Я работаю, например, в нашем театре с Олегом Ефремовым, с Долгачевым, с Колей Скориком. Приходят другие режиссеры, и я могу с ними работать...

К. Л.: Были в твоей жизни пробы, когда ты работала с неожиданными режиссерами, не твоими!

Е. М.: Эксперимент был с Фокиным. Он мой — не мой режиссер, я не знаю, но я с ним работала. Мне было интересно. В театре много раз работала с Володей Прудкиным. Другой режиссер.

К. Л.: А в кино! В отличие от театра у тебя в кино есть амплуа — социальная героиня. Наш современник.

Е. М.: Не могу согласиться, у меня разные роли. Я начинала с «Дядюшкиного сна». Сейчас, через много лет, меня люди вспоминают. Потом были другие роли — проводницы, буфетчицы. Меня пробовали на классику, но никак не могли утвердить. А сейчас у меня есть имя. Была на кинофестивале, и много хороших режиссеров говорили: «Я думаю, где ты, куда ты подевалась». Сейчас у меня классическая роль у режиссера Александра Орлова. Правда, злая, роковая женщина, убийца... Это Глафира в экранизации романа Лескова «На ножах». Будет 12 серий. В «Затерянных в Сибири» я играла женщину-врача, работающую в лагере.

К. Л.: А есть среди всех ролей, которые были в твоей жизни, героиня, самая близкая к тебе, к Лене Майоровой!

Е. М.: Трудно вспомнить. В тот момент, когда я репетирую и выпускаю роль, именно в этот момент я теряю свою личность и живу вместе с этой героиней. Потом мне удается вернуться к себе. Вообще нет таких героинь, как я. Конечно, я их всех надеваю собой. Где-то годится, где-то я прибираю пластику, где-то речь другая. Но голос все равно мой и сердце мое. В одной статье, мне это лестно, Людмила Петрушевская написала, что Маша в «Трех сестрах» — лучшая роль Майоровой. И я могу сказать, что это одна из лучших моих ролей. Я Тойбеле очень люблю. Сару, какой я играю ее в «Иванове», прекрасная роль, невозможная...

К. Л.: Это здорово, что ты актриса. Только актриса — и все. Вспоминаю твой курс, всех учеников табакоских. Их всех швыряет и кидает, они не могут существовать в одном качестве. Поставить, преподавать, написать... Не было у тебя таких талантов, желаний?

Е. М.: Не хочу, не соображаю в этом ничего. И не буду соваться туда, где я ничего... Я, может, и занялась бы преподаванием, но мне это пока не нравится. Я действительно ловлю кайф от того, что я в театре, я делаю нечто, себя постигаю. Иногда делаю то, чего сама не ожидала. Но делаю в рамках того образа, который мы создали. Это замечательно. Импровизация. Олег Николаевич нас к этому призывает. Не импровизировать, чтобы ставить в тупик партнера, нет, ты делаешь то же самое, но как-то иначе. Какие-то другие нюансы.

ансы. Это потрясающе. Ты постигаешь.

К. Л.: Я вспоминала недавнее интервью Любимова. А вопросы те же: «почему вы не даете импровизировать актерам!» Он говорит: «Им дай поимпровизировать — они все растащат по углам».

Е. М.: Вот Гинкас. Кстати, мы забыли упомянуть, что я работала с ним в нескольких спектаклях. Мы играли «Вагончик». Он достаточно жесткий режиссер. Четко делает скелет, ставит рельсы, а потом мы начинаем играть, спектакль оживает мы внутри этого жесткого каркаса, скелета, жестких рельсов, но есть возможность импровизировать. Когда ты уже не думаешь о генеральной линии, спектакль от импровизации не разрушается. Это удивительно. Сверхзадача у меня в крови. Вот сегодня я буду играть Машу, а как я буду играть — не знаю. Я буду импровизировать. А завтра или через полчаса — срочно играй Тойбеле! И я это все понимаю, это у меня в крови. Но как только роль уходит из твоей жизни, например, спектакль снимают, а потом через некоторое время тебя просят вспомнить, ты уже не можешь вспомнить ничего. Так странно. А больше запоминаю ногами. Помню, где я хожу, где я что делаю.

К. Л.: Случалось ли с тобой, когда в каком-то спектакле наступало просветление, чтобы ты почувствовала, будто полетела... а как потом это повторить!

Е. М.: Вспоминать — это глупости. Это нельзя. Второй спектакль пытаешься повторить, а третий уже заново рожаешь.

К. Л.: От чего это зависит!

Е. М.: Ой, даже не знаю. То ли я была больная, с повышенной температурой, и вдруг чувствую, что растворилась в воздухе полностью. Несколько раз у меня так было. Это и есть вдохновение, вероятно. Когда не ты, а тобой движет какой-то образ. Но это тоже неправильно. Ведь ты контролируешь себя, ты же не сумасшедшая. Если ты отдавалась полностью и стала Машей или Дашей, то ты сумасшедшая. Очень сильные эмоции я испытываю в «Тойбеле». Меня разрывает на части. Но в тот же момент я вижу — вот партнеры, вот Невинный, Шкаликов... Что это за феномен, я не знаю. Игра это — не игра!

К. Л.: Кто помогает тебе жить этой жизнью!

Е. М.: У меня муж есть, очень хороший. Сереженька Шерстюк. Он художник. Не был бы он художником...

К. Л.: Два сумасшедших...

Е. М.: Ну, конечно. Мы оба сумасшедшие. Иногда кто-то трезвее, кто-то опьяняется больше. Но в принципе помогаем друг другу, стараемся, что ж делать.

К. Л.: Это очень важно. Привычен такой штамп: безумные страдания, раздрыганная личная жизнь и всякие разные гадости. Тогда, мол, будет гениальным человек.

Е. М.: Ой, не надо.

К. Л.: Я думаю, что это вещи абсолютно друг от друга не зависящие. Когда есть дом, есть тыл и человек, который тебя поймет, когда надо — поругает, когда надо — похвалит, а когда надо, и пожалеет, тогда можно с чувством восторга существовать в этой профессии, безумно тяжелой, страшной, жестокой. Так что, Леночка, большое спасибо и удачи. Надеюсь, что «Три сестры» будут жить долгой жизнью. До встречи.